

Каптерев Н. Ф. [Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович:] Прения на соборе 1667 года между русскими и греческими иерархами о власти царской и решение этого вопроса // Богословский вестник 1910. Т. 3. № 9. С. 1–17 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Пренія на соборѣ 1667 года между русскими и греческими іерархами о власти царской и патріаршей и рѣшеніе этого вопроса.

(Окончаніе).

Вышеупомянутые два архіерея (Павель и Пларіонъ), рассказываетъ Паисій въ одиннадцатой главѣ, услышали о томъ, что было (на соборѣ) и пришли въ великій страхъ, какъ-бы не пострадать имъ жестоко за свою непокорность и дерзость. Поэтому, пришедши къ патріархамъ, почти въ глубокою полночь, подали имъ прошеніе, и умоляли ихъ на колѣняхъ быть ходатаями за нихъ предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по поводу того, что они осмѣлились высказать въ одной темной бумагѣ, писанной не столько чернилами, сколько ядомъ змѣинымъ. Они говорили, что Златоустый еще сказалъ: священство выше царской власти. Въ подкрѣпленіе себѣ приводили и тотъ древній обычай, издревле употреблявшійся при хиротоніи архіерейской, что хиротонисаемый архіерей становится ногами на двуглаваго орла— римскій знакъ самодержавной власти. Приводили еще и то, что неприлично и даже преступно архіереямъ пѣловать десную руку царя, неимѣющаго на себѣ печати (т. е. неимѣющаго права благословлять знаменіемъ креста)?, о чемъ и Симеонъ Солунскій выражается съ великимъ прискорбіемъ (и затѣмъ приводится обширная выдержка изъ Симеона Солунскаго). Приводили еще и слова Ареы, митрополита Кесаріи Каппадокіѣйскаго изъ толкованія на 13-ю главу Апостолу Каллипписа и т. под. „Вы, продолжали говорить архіерен патріархамъ,—вы, находясь подъ насильственнымъ владыче-

ствомъ христоненавистныхъ агарянъ, за свое терпѣніе и страданіе, несомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовоздаятеля и вѣщениосца Спасителя; а мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія; и много тяжкаго по неволѣ терпѣливо переносимъ отъ властей: но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше Церкви, хотя и не имѣемъ въ умѣ той мысли, чтобы пришлось намъ терпѣть такія несправедливости и оскорбленія въ благополучное царствованіе богохранимаго и добронобѣднаго царя нашего, государя Алексія Михайловича; боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ. Эти искаженія писанія и ложныя толкованія пришлыхъ переводчиковъ устрашаютъ насъ, незнакомыхъ съ греческимъ языкомъ. Посему, какъ врачъ души безкорыстный, дайте намъ цѣлительныя лѣкарства, возливая елей и вино и т. п⁴. Сіе и подобное содержало въ себѣ упомянутое прошеніе. Для прочтенія его приглашенъ былъ и Газскій. Прочитавъ его, онъ выразумѣлъ, и, сдѣлавъ движеніе головою, возопилъ: погибла ты, истина; господствуетъ нынѣ ложь; беретъ перевѣсъ осужденіе. Недостойны русскіе такого царя, преданнаго вѣрѣ христіанской, благочестивѣйшаго, имѣющаго жезлъ не желѣзный и тяжелый, но мягкій, орѣховый. Я самъ буду отвѣчать на это безумное и вредное писаніе.. Боюсь осужденія раба скрывшаго талантъ... Потому что меня вселенскій патріархъ киръ Діонисій поставилъ истолкователемъ и поборникомъ... Спрашиваете, что изъ двухъ преимуществуетъ: священство или царство? отвѣчаю: въ нѣкоторомъ отношеніи должно отдать преимущество священству,—разумѣю дѣла духовныя; въ другомъ должно отдать честь царству, т. е., въ дѣлахъ гражданскихъ... Можно сказать, священство царствуетъ надъ дѣлами духовными; царство священноначальствуетъ надъ гражданскими... По истинѣ нашъ державнѣйшій царь, государь Алексій Михайловичъ, столько свѣдущъ въ дѣлахъ церковныхъ, что можно было бы подумать, будто цѣлую жизнь былъ архіереемъ, посвященъ во всѣ тайны іерархическаго служенія, отъ малыхъ

ногтей воспитывался въ храмѣ, какъ Самуиль. Почему не стыдятся возвѣщаемъ, что лобызаемъ щедродаровитую десницу такого царя. Да, да! Цѣлую и лобызаю руку, обогащающую странныхъ, пекущуюся о сиротахъ, руководствующую слѣпыхъ... Да, да! лобызаю десницу, помазанную благовоннымъ мѣромъ новой благодати, знаменанную печатію обрученія св. Духа, пишущую спасительныя заповѣди... Да, да! Лобызаю бранноносную руку, вооруженную, по слову ап. Павла, оружіемъ правды... подвизающуюся за благочестіе, украшенную благостію, позлащенную добродѣтелями... А ты, Богомъ почтенный царю Алексіе, воистину человекъ Божій, ты отнимаешь, а не простираешь десницу свою намъ архіереямъ; мы сами противъ воли твоей привлекаемъ ее къ себѣ и лобызаемъ, яко прещедрую помазанную десницу царя христіанства.. Конечно зло насѣяно вездѣ... Но изъ того, что двое или трое державствующихъ нечествуютъ, неуважительно обращаются съ дѣлами архіерейства, не должно почитать и всѣхъ безпорядочными и незаконными.. Не къ безчестію, но къ благой похвалѣ полагается орелъ подъ ноги хиротонисуемаго архіерея. По праву становится онъ на него, когда возглашаетъ символъ, въ который мы крестились: этимъ онъ показываетъ, что будетъ твердъ въ вѣрѣ самодержца, что будетъ другомъ грековъ (?), что будетъ во всемъ покоренъ и послушенъ царю... Вы боитесь будущаго, чтобы, то есть, какой нибудь новый государь, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, не поработилъ церковь россійскую. Нѣтъ, нѣтъ. У добраго царя будетъ еще доброе сыно, его наслѣдникъ.. Онъ будетъ попечителемъ о васъ... наречется новымъ Константиномъ, будетъ царь и вмѣстѣ архіерей, какъ и преданный вѣрѣ Христовой великій Константинъ восхваляется у насъ на великой вечернѣ—іереемъ и царемъ. Да и у римлянъ, какъ и у египтянъ, царь соединялъ въ себѣ власть священства и царства, какъ поетъ латинскій Гомеръ--Виргилій..

Когда такимъ образомъ, рассказываетъ далѣе въ двѣнадцатой главѣ Пансіей, снова возвращаясь къ соборнымъ заведеніямъ, это было благоразсмотрѣно, съ разсвѣтомъ дня собрались архіереи, ничего не зная о томъ, что происходило ночью. Когда всѣ заняли свои мѣста, блаженнѣйшіе пат-

ріархи предложили вопросъ: не принесутъ ли они собору какого-либо словеснаго дара? Архіереи отвѣчали: по благоволенію вашего блаженнѣйшаго святительства, чувствуемъ себя въ затрудненіи, но имѣемъ весьма достаточный запасъ“. Къ сожалѣнію Паисій не излагаетъ далѣе никакихъ рѣчей архіереевъ, а начинаетъ говорить про себя слѣдующее: „должно знать, что четыре вселенскіе патріарха весьма разумно постановили сіе различіе, что по дѣламъ гражданскимъ царь имѣетъ преимущество. Ибо мы нашли въ патріаршемъ александрійскомъ собраніи законовъ поводъ и первую причину, по которой послѣдовало это опредѣленіе. Хотите ли, чтобы этотъ списокъ предложенъ былъ публично? Пусть будетъ принесенъ, отвѣчали святѣйшіе патріархи. И списокъ былъ принесенъ и прочитано въ немъ слѣдующее:

Предпріемлющимъ отнынѣ заговоры, или собирающимъ скопища—анаѰема.

Содѣйствующимъ имъ и сообщникамъ ихъ въ отложеніи—анаѰема.

Совѣтующимъ и побуждающимъ къ тому же—анаѰема.

Вооружающимся на помощь имъ—анаѰема.

Пріемлющимъ ихъ къ покаянію, тогда какъ они не раскаиваются въ мятежѣ и не оставляютъ его—анаѰема.

Подобнымъ образомъ въ царствованіе Михаила (?) Комнина чинами государства и тогдашнимъ патріархомъ и соборомъ произнесена анаѰема, на замышляющихъ ковы или возстанія противъ сына его Алексія и содѣйствовавшихъ имъ. Подобное умыслилъ сдѣлать императоръ Михаилъ Палеологъ въ отношеніи къ сыну своему Андронику, благочестивому государю. Въ этомъ принимали участіе, какъ государственные чины, такъ и патріархъ Іосифъ, стяжавшій вѣнецъ исповѣдничества за истинное благочестіе, а равно и соборъ, бывшій при немъ. Всѣ они подвергли анаѰемѣ и страшнымъ проклятіямъ замышляющихъ заговоры и возстанія, чтобы низложить съ престола столпъ благочестія царя Божія Алексія (?)—При этомъ возсталъ Газскій и сказалъ: извѣстенъ законъ Юлія Кесаря, опредѣляющій, кого должно считать возмутителемъ и мятежникомъ. Онъ говорить, что мятежникъ тотъ, кто собираетъ скопище противъ царя, или замышляетъ что противъ него, или противъ се-

ната: кто вступаетъ въ заговоръ, или знаетъ и не открываетъ тотчасъ же. (слѣдуютъ примѣры и выписки изъ законовъ, раскрывающіе вопросъ о мятежникахъ и ихъ сообщникахъ). Выслушавъ все сіе русскіе архіереи сказали: „мы знаемъ, что подвергаются анаѣмѣ еретики, какъ напримѣръ въ недѣлю православія. Но что касается до заговорщиковъ и мятежниковъ, то не знаемъ и не читали нигдѣ, чтобы они были поражаемы молніею проклятія. Помнимъ слово Тарасія патріарха въ апологетической рѣчи: страшна анаѣема, потому что отлучаетъ человѣка отъ Бога, изгоняетъ изъ царства небснаго, ведетъ въ тьму кромѣшную“. „А развѣ не помните, возразилъ Газскій, слышанное, какъ патріаршествовавшій нѣкогда Михаилъ, съ согласія бывшаго тогда собора, подвергъ анаѣмѣ заговорщиковъ?—„Такъ, отвѣчали архіереи, но законно ли это дѣлается, мы не знаемъ и желаемъ видѣть яснѣйшее свидѣтельство“.—„Что же, отвѣчалъ Газскій, Павелъ въ первомъ посланіи къ коринѣянамъ говоритъ: аще кто не любитъ Господа І. Христа, да будетъ анаѣема маранаѳа. Дѣлающіе злое, прибавилъ Паисій, не любятъ Господа...“ Какъ? возразили русскіе архіереи, Никонъ говорилъ намъ иначе. Онъ говорилъ, что анаѣема и маранаѳа одно и то же.“ (слѣдуетъ грубая выходка Паисія противъ Никона и объясненія „маранаѳа“).—„Что-жъ слѣдуетъ заключить изъ сего свидѣтельства? спросили русскіе архіереи.—„Газскій отвѣчалъ: кто не любитъ царя, тотъ не любитъ Господа І. Христа“. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ слова ап. Петра: Бога бойтесь, царя чтите, и говоритъ: „смотрите, смотрите, какъ послѣ Бога небснаго, сейчасъ упоминается о земномъ, т. о царѣ. Слѣдовательно, кто не чтитъ царя, тотъ нечестуетъ противъ Бога... (Далѣе и еще приводитъ доказательства изъ св. Писанія въ подтвержденіе обязанности чтить и повиноваться царямъ, приводитъ и слова Икуменія и Августина: указываетъ на прошеніе о царѣ въ литургіи и на обычай ежедневно воспоминать въ молитвахъ имена царя, царицы и ихъ дѣтей, на свидѣтельство Григорія Богослова о Валентѣ, который самъ приносилъ дары къ алтарю и множество другихъ постороннихъ примѣровъ). Послѣ всего Паисій замѣчаетъ: „по симъ и подобнымъ причинамъ царь именуется Богомъ. И ты, богоподобный Алексій Михайловичъ, имѣешь право на такое

богоименованіе, яко украсившій пустыни новыми насажденіями... претворившій море, ярящееся волнами, на общую пользу, и обветшавшую Москву, почти можно сказать, явившій въ новомъ видѣ...“ „Что скажете на это, произнесли патріархи, убѣдились-ли сказаннымъ, или еще желаете другихъ свидѣтельствъ?“ Всѣ они отвѣчали: „предовольно и сказаннаго“.— „Итакъ, заключили патріархи, да будетъ положенъ конецъ слову. Да будетъ признано заключеніе, что царь имѣеть преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилось цѣлою и непоколебимою во вѣкъ стройность церковнаго учрежденія ¹⁾. Всѣ

¹⁾ Нужно замѣтить, что патріархъ Паисій и Макарій, въ виду нежеланія русскихъ архіереевъ признать царскую власть рѣшительно высшею патріаршей во всѣхъ отношеніяхъ, что прямо заявлялось въ патріаршихъ свѣткахъ на вопросы о власти царской и патріаршей, принуждены были писать особое объясненіе къ своему прежнему отвѣту о власти царской и патріаршей, чтобы сдѣлать его пріемлемымъ и для русскихъ архіереевъ. Патріархи писали на греческомъ языкѣ особую записку, въ которой они объясняли, какъ слѣдуетъ понимать вторую главу патріаршихъ отвѣтовъ о власти царской и патріаршей, такъ было смутившую русскихъ іерарховъ. Эта объяснительная записка патріарховъ говорила слѣдующее: „Во второй убо главѣ патріаршескихъ свѣтковъ обрѣтается: яко патріархъ да покорится царю во всѣхъ градскихъ дѣлахъ и является о семъ, яко умоляется патріаршій санъ, обаче сораздѣленіемъ имать разумѣтися писанное въ сей главѣ. Завѣ яко ина убо суть церковная, догматская и правильная, ина же суть градская, внѣшняя и правная къ добродѣльному правленію и исправъ царствію. Ибо во внѣшней, правная градская льпотствуетъ, яко патріархъ да не противится отнюдь царю, но да едино гласить и да едино мыслить, яко быти миръ и тишость въ царствіи и да не сѣются зизаніи (куколь) и соблазны, и будетъ двучаліе, яко бы ино да хоцетъ царь и ино патріархъ, яко же видится и въ хронографѣхъ, иже повѣствуютъ, яко многажды нѣкіи патріархи возмущаху царства и соблажняху. И сего ради ко строенію и ко цѣломудрію или и къ обузденію вопросиша державніи цари, и наипаче царь киръ Эммануиль Комнинъ, иже царствова лѣтъ 37, да сотвори патріархъ на письмѣ повѣданіе (вѣру) къ царю ради вящшаго увѣренія и крѣпчайша въ будущія лѣта, еже сотвори киръ Михаиль Кируларій патріархъ константинопольскій. Къ церковнымъ же, къ догматскимъ и къ правильнымъ не имать отнюдь покоритися царю патріархъ завѣ есть законъ одушевленъ и живой гласъ правиль; сице читаемъ яко и божественный Златоустъ обличилъ царицу Евдоксію о вдовицыцѣ виноградѣ, Германъ патріархъ иконоборца Θεозила ради святыхъ иконъ и инии многи всесвятѣйшіе и премудрѣйшіе мужи обличаху съ дерзновеніемъ вельможныхъ и князей, наипаче медоточный и великій Амбро-

воскликнули: сіе есть мнѣніе богоносныхъ отецъ! такъ мыслимъ всѣ; да живеть на многія лѣта добродѣтельный и не-

сій преславнаго Θεодосія. (слово пропущено) пророку и царю Давиду глаголющу: и глаголахъ предъ цари и не стыдяхся. Сего убо ради такими раздѣленми преставеть всякое сопротивленіе. Почто имать царь, да покорится патріарху? И почто имать патріархъ, да покорится царю? Сія рѣчь, яко патріархъ да не вступитца въ царскіе вещи царскаго двора и да не отступитъ въ предѣлъ церковныхъ, яко же и царь имать, да хравить чинъ свой. Аще же не слышати будетъ оное (иже читаемъ въ ветхомъ писаніи о Озіи царѣ. иже взя кадилавицу и кадити хотящу) не лѣтъ ти и есть кадити: вещь иже ниже подобаше ему отнюдь начинати. Два свѣтильника суть въ мірѣ: солнце и луна: обаче солнце да властвуетъ днемъ и луна да перевозосіаетъ ночь; и никогда солнце нзыде отъ обычнаго чина своего, ниже луна перемѣни теченія своего и естество свое, но всегда любезно движутся и хравятъ предѣлы, иже творецъ всѣхъ положи имъ непреодолимое и непреложное повелѣніе. Такимъ образомъ имать и патріархъ управитися съ царемъ и царь съ патріархомъ ради прелюбезнаго сего единомыслія и мира, иже обдержитъ вкупе земная вся и небесная, божественная жъ и человѣческая. Сіе глаголемъ, егда православствують и правоуправятъ слово истины единъ и другіи, сіи—рѣчь, царь и патріархъ, но егда царь будетъ еретикъ и неправоправитъ, тогда весьма подобаеть патріарху противостояти ему и огласити его, сіи—рѣчь, поучати; и аще послушаеть и удѣломъ ритца, приобрѣтъ душу цареву и приметь маду огъ трудовъ своихъ, яко иже и Павель противоста Петру, егда вида его нисходящимъ къ іудеомъ, иже хотяху храниги ветхой вкуплъ съ новымъ завѣтомъ непремѣнно, яже о вѣрѣ; имать убо, да облпчатся малые и великіе безъ нещечаванія. Зане о душѣ есть вся бѣда. Иде царь Ираклій въ Персиду и остави патріарха Сергія въ Константиноградѣ, который, аще и еретикъ бѣ, обаче вѣрной царствію ста; кольми паче имѣтъ патріархъ вѣрнѣ быти къ царю православному, иже тчатся расширити скиптры благочестія, иже поборется и о истинней и непорочной православной вѣрѣ. Таковъ убо царь, аще бо и пошлетъ къ патріарху, да придетъ къ нему, или да пойдетъ иногда ради душеполезнаго нѣкоего подлога (дѣла), долгъ имать векорѣ двизатися, и да придетъ къ нему по его царскому повелѣнію, якоже и царь Θεодосіи малый писа къ святѣйшему Кирилу патріарху александрійскому и ко Іоанну Златоусту, абіе и оба послушаше повелѣніе царева, иже призваша ихъ пріити къ царствующему граду, и пріидоша, единъ живъ, а другой успій. Якоже и христіолобивый и превеликій Константинъ повелѣтъ патріарху автіохійскому Евстаію, да пойдетъ во Иверію и не преслуша повелѣнія царева блаженнѣйшій Евстаіей, но послуша его.—По такимъ убо дѣламъ и такимъ образомъ повинуются патріархи православнымъ самодержцемъ. И по подобію вышписанныхъ и мы послушахомъ заповѣди твоего царскаго величества и пріидохъ нынѣ въ царствующій градъ Москву ради церковнаго исправленія и пользы. Богъ святой совершитъ желаніе бого

побѣдимый нашъ царь; да продлится на многія лѣта и ваша жизнь и благоденствіе, святѣйшіе и блаженнѣйшіе!

Двое архіереевъ, рассказываетъ Паисій въ тринадцатой главѣ, раскаялись, хотя и поздно, и подписались тайно подъ низложеніемъ Никона, со всѣми изъясненіями и дополненіями опредѣлений: но за это никто не воздалъ имъ благодарностію... 24 января, къ вечеру, собрались всѣ мы въ келліи патріарха александрійскаго Паисія (по причинѣ его болѣзни) и предложено было двумя блаженнѣйшими патріархами три немаловажные вопроса: во-первыхъ, какому наказанію подвергнуть того, кто обезчеститъ соборъ патріаршескій и при томъ многолюдный и совершенный? Во-вторыхъ, какому наказанію подлежить, если кто не окажетъ уваженія двумъ присутствующимъ вселенскимъ патріархамъ, ни во что поставитъ то, что они въ виду всѣхъ подписались? Въ-третьихъ, какому по правиламъ долженъ подвергнуться наказанію тотъ, кто явное оказываетъ непослушаніе и не вѣритъ царю христіаннѣйшему, который нарицаетъ церковь матерью своею и хочетъ ее прославить выше всякой почести и власти? Всѣ единогласно соборомъ отвѣчали, что таковыя должны быть исправлены церковными епитиміями, что судъ и рѣшеніе патріарховъ не подлежить болѣе пересмотру, а если въ чемъ согласились четыре патріарха, то ихъ приговоры выше всякаго суда на землѣ. Послѣ сего и нѣкоторыхъ ради другихъ дѣлъ послали святѣйшіе за двумя

хранимаго царства твоего душеполезная и спасительная, буди, буди, ко общему заступленію и утвержденію, зане и мы ревности ради другъ другоириятельныхъ святѣйшихъ патріарховъ преидохомъ горы и пучины, бѣдствующи въ неудобохотныхъ путехъ и чрезъ иноплеменныхъ языковъ, не токмо тѣлесно, но и душевно; точію да не преслушаемъ Божія суда и державнаго царства твоего пресвятаго повелѣнія“. (Гиббенетъ, II 1039—1041).

Не трудно видѣть, что въ этой объяснительной запискѣ ко второй главѣ патріаршихъ отвѣтовъ на вопросы о власти царской и патріаршей, сдѣланы значительныя уступки въ пользу власти патріаршей, которая признается стоящею ридомъ съ царскою и имѣющей свой особый кругъ дѣятельности, куда власть царя не должна простираться и гдѣ совершенно самостоятельно и независимо распоряжается и дѣйствуетъ только одна духовная власть. Эта объяснительная записка патріарховъ и легла въ основу указаннаго соборнаго рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ власти царской и патріаршей.

непокорными и повинными архіереями, чтобы пришли они на соборъ. Спустя немного времени они явились и подошедши съ намѣреніемъ цѣловать десницу патріаршую, были тотчасъ удержаны и неудостоены молитвы и благословія. Тогда какъ другіе архіереи занимали свои мѣста по чину, всѣ они (*παύτες*, слѣдовательно не двое только?) были вопрошены: почему они, мниміи столпы быти и будучи другихъ разумѣе, явились столь непокорными, столь упорными? Тѣ начали оправдываться, приводя вины о грѣсѣхъ, но всеу трудились, напрасно пустословили. Между прочимъ они сказали, что обмануты были дурнымъ переводомъ Паисія Газскаго; онъ нехорошо перевелъ сказанное въ опредѣленіи, что патріархъ подлежить власти царской, впрочемъ въ однихъ дѣлахъ гражданскихъ. Неразумное оправданіе! Газскій митрополитъ не есть царскій переводчикъ, но по снисхожденію занимается переводомъ и толкуеть, впрочемъ не непосредственно, а при помощи латинскаго языка. Посему ни за какую погрѣшность въ переводѣ не отвѣчаетъ, если русскіе переводчики когда нибудь неточно передадутъ или истолкуютъ сообщенное имъ неправильно. Эти переводчики часто опускаютъ главное, не разумѣя перевести на другой языкъ трудное, почему и не суть точные передаватели чужихъ мыслей, но скорѣе предатели... Гнѣваются (упомянутые архіереи) и на то, что въ вышеупомянутомъ исповѣданіи патріарха киръ Михаила, поданномъ императору Михаилу, присоединяется и сіе: обѣщаюсь пребыть въ распоряженіи, волѣ и повелѣніи царства твоего такъ, что противъ всякаго противящагося настоящему моему клятвенному обѣщанію не только въ отношеніи къ царю, но и къ царицѣ и къ ихъ сыновьямъ, буду дѣйствовать клятвою, равно и въ отношеніи къ дочерямъ царскимъ и къ ихъ будущимъ супругамъ. Это, говорили архіереи, не только унизительно и неприлично, но и недостойно и чуждо патріаршеской власти. Ибо если архіерей и какой бы то ни было священникъ не можетъ давать клятвы, какъ же клянется здѣсь патріархъ вселенскій? Соборъ на это отвѣчалъ: чтобы клятвою утверждалась истина, нужны три условія: справедливость (право?), не ложность, благославная вина. Безъ котораго нибудь изъ сихъ трехъ условій клятва будетъ непозволительна, ложна, не-смысленна: безъ истины—клятва будетъ ложна: безъ спра-

ведливости (права?)—незаконна; безъ достаточной причины—произвольна и неразумительна (Слѣдуетъ затѣмъ объясненіе, гдѣ приводятся образцы клятвы у язычниковъ, чтобы объяснить, почему Господь запретилъ клясться небомъ и вообще вещами сотворенными. Приводятся изъ В. и Н. Завѣта мѣста въ подтвержденіе важности и законности клятвы, но въ нихъ нигдѣ не говорится ничего о клятвѣ собственно духовныхъ лицъ). Затѣмъ предложили свои увѣщанія оба патріарха. Патріархъ антиохійскій Макарій говорилъ о послушаніи; александрійскій патріархъ Паисій, приведши 18 правилъ Халкидонскаго собора противъ скопищъ, внушалъ, что не вѣрится „царю христіаннѣйшему есть знакъ малодушія, чтобы не сказать неблагодарности“. „Святѣ самодержавный нашъ“, говорилъ патріархъ и доказывалъ древними и новыми примѣрами, что царь можетъ именоваться святымъ, и заключилъ рѣчь словами: „тѣ никонствуютъ и папствуютъ, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство“. Двое архіереевъ отъ стыда смотрѣли въ землю. Спустя довольно времени послѣ глубокаго молчанія, патріархи произнесли: идите, и оставайтесь праздно отъ всякаго священнодѣйствія: достаточно вамъ сей епитиміи... И они вышли изъ патріаршей келліи не безъ слезъ. А прочіи пришли въ страхъ отъ сего неожиданнаго наказанія и отъ тяжести сей епитиміи... Отсюда уразумѣли, что имѣютъ надъ собою начальниковъ и высшихъ предстоятелей и тѣ, которые уже съ давняго времени привыкли быть непокорными и совершенно непослушными, по причинѣ зазорнаго отсутствія Никона и послѣдовавшаго затѣмъ безчиннаго безначалія. А поелику митрополитъ Павелъ крутицкій былъ мѣстоблюстителемъ патріаршимъ, то на его мѣсто избранъ архангельскаго собора архіерей киръ Феодосій (это былъ выѣхавшій на Русь сербскій митрополитъ, пристроившійся въ Москвѣ къ Архангельскому собору), который и управлялъ краткое время дѣлами патріаршескими, всѣмъ благоугождая Богу и людямъ ¹⁾. По удаленіи вышесказанныхъ двухъ архі-

¹⁾ Это вполне подтверждается слѣдующею современною событіямъ запискою въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Приходъ къ Москвѣ вселенскихъ патріарховъ“ „Того-жъ мѣсяца (Января 1667 г) въ 25 день, въ пятокъ Павлу митрополиту отказано правленіе въ дому пречистыя Богородицы

ереевъ, патріархи возгласили, что нужно всѣмъ готовиться къ будущему неукоризненному избранію новаго патріарха, и прилежно молиться, просить Бога, о дарованіи его...

Приведенныя нами выдержки изъ третьей части сочиненія Паисія Лигарида о соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ показываютъ, что далеко не одинъ Никонъ держался воззрѣній на священство, какъ на высшее царства, что не одинъ онъ готовъ былъ публично заявлять и всячески отстаивать эти воззрѣнія, но что и всѣ другіе русскіе архіереи вполне сходились въ этомъ отношеніи съ Никономъ и никакъ не хотѣли признавать надъ собою, по крайней мѣрѣ въ церковныхъ и епархіальныхъ дѣлахъ, верховныхъ правъ свѣтской власти. Въ виду такого положенія дѣлъ, власть свѣтская принуждена была добывать благоприятное для нея рѣшеніе возникшаго вопроса о власти царской и патріаршей на востокъ, такъ какъ она видѣла, что русскіе архіереи, если бы этотъ вопросъ отданъ былъ на ихъ разсмотрѣніе и обсужденіе, несомнѣнно отвѣтили бы на него въ духъ Никона, т. е., что священство выше царства. Повидимому свѣтское правительство вполне достигло своей цѣли: вопросъ былъ рѣшенъ восточными патріархами въ пользу безусловнаго преобладанія свѣтской власти надъ духовною, но русскіе архіереи нашли подобное рѣшеніе вопроса одностороннимъ, неправильнымъ и потому для себя необязательнымъ, они хотѣли, и дѣйствительно добились новаго пересмотра спорнаго вопроса. Свѣтская власть должна была допустить не только новое публичное, и потому очень неприятное для нея, разсмотрѣніе вопроса, но и иное его рѣшеніе, несогласное съ тѣмъ, какое ранѣе дали ему восточные патріархи. Несмотря на всѣ усилія Паисія Лигарида, на всю его изворотливость, на поддержку, какую онъ встрѣчалъ постоянно въ греческихъ іерархахъ и у самихъ предсѣдателей собора, восточныхъ патріарховъ,—благодаря дружнымъ усилямъ, смѣлости и энергіи русскихъ

въ соборъ и въ дому патріарховъ; а приказано Феодосію митрополиту сербскому. Иларію архієпископу рязанскому такожъ отказано отъ службы, что и Павлу митрополиту, съ тѣмъ однако, что бѣ оба изъ дворовъ не выѣзжали“, т. е. они были запрещены и на время даже находились подъ домашнимъ арестомъ (Рукопись Вienneвской духовной семинаріи № 2369, стр 60).

архіереевъ, соборъ принужденъ былъ принять среднее, примиряющее крайности рѣшеніе, именно: соборъ постановилъ, что царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ церковныхъ; и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другаго.

Такимъ образомъ, состоявшимся соборнымъ рѣшеніемъ церковь признана была вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ отъ царства учрежденіемъ, которое имѣетъ своего самостоятельнаго, независимаго главу, свои собственные законы, свой самостоятельный судъ и свое собственное управленіе, такъ что всякая опека со стороны свѣтской власти; доселѣ тяготѣвшая надъ архіереями, всякое ея вмѣшательство въ общія церковныя и частныя епархіальныя дѣла, признаны были соборомъ незаконными. Понятно, что архіереи постарались немедленно приложить къ дѣлу провозглашенный соборомъ 1667 года принципъ о независимости духовной власти отъ свѣтской: по требованію собора ненавидимый Никону и всѣмъ архіереямъ монастырскій приказъ былъ уничтоженъ, какъ учрежденіе, несогласное съ признаніемъ независимости духовенства отъ свѣтской власти, благодаря чему подсудность духовенства свѣтскимъ судьямъ была окончательно уничтожена. Вмѣстѣ съ Монастырскимъ приказомъ, по требованію собора, должны были прекратить свое существованіе и свѣтскіе архіерейскіе чиновники, назначаемые къ архіереямъ свѣтскою властію, и такъ сильно стѣснявшіе самостоятельность и независимость архіерейскаго епархіальнаго управленія. Съ этого времени все церковное управленіе должно было быть тщательно очищено отъ всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ, мѣсто которыхъ должны были занять исключительно лица духовнаго чина.

Очевидно, что русскіе архіереи достигли на соборѣ 1667 г., несмотря на все противодѣйствіе имъ греческихъ іерарховъ и особенно ихъ представителя Паисія Лигарида, очень важныхъ и существенныхъ для себя результатовъ, такъ что съ этихъ поръ русскіе архіереи могли, не стѣняясь, публично выражать свои истинныя воззрѣнія на отношенія между властію свѣтской и духовной. Вотъ примѣръ. Чудовской архимандритъ Іоакимъ, впослѣдствіи патріархъ московскій, поставленный новгородскимъ митрополитомъ, въ 1672 году

говорилъ своей паствѣ поученіе, въ которомъ онъ убѣждаетъ всѣхъ пасомыхъ подчиняться во всемъ власти, „понеже безначаліе всюду зло есть, и погибели и крамолы и мятежа виновно“, и затѣмъ предъ своими пасомыми рассуждаетъ: „но убо власть есть сугуба: ова гражданская, ова же церковная. И внѣшній убо начальникъ грѣшащія емлетъ, вяжетъ, мучить и главосѣчетъ: разбойники, тати, прелюбодеи; духовный же начальникъ многимъ вящій его; грѣшащаго бо словомъ наказанія лучша творить, не главу, но недугъ отсѣцаетъ, изгоняетъ отъ татинъ и отъ церковныхъ оградъ, и оставивъ его и отъ злобы свободивъ, и душу отъ скверны омывъ и лучша бывша покаяніемъ нова изъ ветха челоуѣка содѣловаетъ. И елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вящше разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя. Кто же власть церковная? Суть богопоставленніи архіереи и іереи, иже немощныя врачуютъ, иже мракомъ суетъ міра сего ослѣпшія, зарями богодухновенныхъ словесъ просвѣщаютъ, иже храмлющія лестною стезею самомянія, путевождятъ правымъ шествіемъ истинныхъ церковныхъ догматъ ученія, иже имуть ключи не земнаго нѣкоего града, но самаго небесе, иже царство небесное заключаютъ и отверзаютъ: елико бо аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси, рече Христосъ, и елики же аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшенни на небеси. Сію и сицевую власть имущимъ, долженствуютъ подвластни со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинитися“... ¹⁾).

Такъ, во второй половинѣ XVII вѣка, архіереи и на соборахъ и въ своихъ поученіяхъ къ пасомымъ заявляли, что „духовный начальникъ много вящій свѣтскаго“, что „елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вящше разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя“, что „церковную власть имущимъ, долженствуютъ подвластни со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинитися“. Но такъ рассуждать пришлось однако недолго; скоро пришлось совсѣмъ измѣнить

¹⁾ Неперепечетенный рукописный сборникъ моск. синод. библи. № IV. То же слово Іоакима находится въ рукоп. сборникѣ Флоринцевской пущы № 121 695

взгляды на отношеніе свѣтской власти къ духовной. Не даромъ русскіе архіереи, по словамъ Паисія Лигарида, заявляли въ Москвѣ восточнымъ патріархамъ—Паисію александрійскому и Макарію антиохійскому: „мы, говорили они, несчастные и убожаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія, и хотя много тяжкаго по неволѣ терпѣливо переносимъ отъ властей (свѣтскихъ): но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви... Боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ“. И напрасно, въ отвѣтъ на эти опасенія русскихъ архіереевъ за свое будущее подчиненіе свѣтской власти, Паисій Лигаридъ утѣшалъ ихъ: „вы боитесь будущаго, говорилъ онъ русскимъ архіереямъ, чтобы какой-нибудь новый государь, сдѣлавшись самовластнымъ и соединяя самоуправство съ самозаконіемъ, не поработилъ церковь русскую. Нѣтъ, нѣтъ. У добраго царя будетъ еще добрѣе сынъ, его наслѣдникъ... Онъ будетъ попечителемъ о васъ... будетъ царь вмѣстѣ и архіерей“. Въ дѣйствительности предчувствіе русскихъ архіереевъ, относительно ожидавшаго ихъ тяжелаго будущаго, оказалось гораздо вѣрнѣе предсказаній Лигарида.

Петръ Великій, очевидно, хорошо зналъ тотъ эпизодъ изъ исторіи Никона, въ которомъ такъ рѣзко сказалось столкновение царской власти съ патріаршей, хорошо зналъ на чьей сторонѣ въ этомъ столкновеніи стояли русскіе архіереи по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, зналъ и то, какъ на соборѣ 1667 года, со стороны русскихъ архіереевъ, было выражено стремленіе утвердить то положеніе, что священство выше царства, и что соборъ 1667 года, несмотря на всѣ усилія присутствовавшихъ на немъ двухъ восточныхъ патріарховъ и другихъ греческихъ архіереевъ, принужденъ былъ признать, подъ давленіемъ русскихъ архіереевъ, самостоятельность и независимость духовной-патріаршей и архіерейской власти, относительно власти свѣтской. Петръ I-й находилъ такой порядокъ дѣлъ, при которомъ существуютъ независимые отъ свѣтской власти патріархъ и архіереи, которые „суду царскому не подлежатъ“,

ненормальнымъ, несогласнымъ съ царскимъ самодержавіемъ и даже опаснымъ для государства. Онъ рѣшился вопросъ объ отношеніяхъ свѣтской власти къ духовной перерѣшить снова съ тѣмъ, чтобы навсегда отнять у духовной власти всякую самостоятельность, подчинивъ ее во всемъ своей самодержавной волѣ. Такъ какъ главною опорою и центромъ для притязаній духовной власти на независимость отъ власти свѣтской служило патріаршество, то Петръ I-й и рѣшилъ, для достиженія своей цѣли, уничтожить на Руси самое патріаршество, мотивируя этотъ свой шагъ между прочимъ тѣмъ, что патріаршество очень вредно и даже прямо опасно для государства.

Въ духовномъ регламентѣ, по поводу уничтоженія у насъ патріаршества и замѣны его Духовнымъ Коллегіумомъ, между прочимъ говорится: „велико и сіе, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ такоумствовати обыкль. Чтоже егда еще и плевелные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хвастію огонь подложатъ? Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мѣрскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовать и бунтовати дерзаютъ. Чтоже когда еще и самъ пастырь, таковымъ о себѣ намень мнѣніемъ, спастъ не доощетъ, изрещи трудно, колико отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымыслы то далъ бы Богъ, чтобъ о семъ домышлятися только можно было, но самую вещь не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося. вникнуть только во исторію константинопольскую, нижасіустириановыхъ временъ, и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ только превозмогъ, негодію государство римское полно пресѣче и себѣ великую часть похити.

но и инныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. Да не вспомнятся подобныя и у насъ бывшіе замахы“. Далѣе въ Духовномъ регламентѣ говорится, что „единъ самовластный пастырь“ т. е. патріархъ, въ случаѣ проступка, можетъ не захотѣть „отъ подручныхъ себѣ епископовъ судитися“ и принудить его къ тому очень трудно, въ виду людской молвы. „Отъ чего дѣется, говорить Духовный регламентъ, что на злого такового единовластителя нужда есть созывать соборъ селенскій, что и съ великаго всего отечества трудностію и съ немалымъ иждивеніемъ бываетъ и въ нынѣшнія времена (когда восточныя патріархи подъ игомъ турскимъ живутъ, и турки нашего государства вящше нежели прежде опасаются) отнюдь мнится быти невозможно“.

Нетрудно видѣть, чѣмъ были вызваны эти разсужденія Духовнаго регламента объ опасности патріаршества для государства, о простомъ невѣжественномъ русскомъ народѣ, смотрящемъ на патріарха какъ на равнаго или даже какъ на высшаго, нежели Самодержецъ, о томъ, что духовный чинъ, по представленію многихъ, „есть другое и лучшее государство“, что и у насъ со стороны духовной власти тоже бывали опасныя для государства „замахы“, что въ случаѣ проступка патріарха для суда надъ нимъ придется вызывать изъ Турціи восточныхъ патріарховъ, такъ какъ онъ не захочетъ подчиниться только суду своихъ епископовъ,— предъ глазами составителя Духовнаго регламента стояли тѣ именно событія, о которыхъ мы разсказали выше.

Патріаршество еще можно было уничтожить, но архіереевъ уничтожить было нельзя. Тутъ оставалось одно: поставить архіереевъ въ полную зависимость отъ свѣтской власти. Это именно и сдѣлалъ Петръ I-й.

Духовный регламентъ академически поучаетъ русскихъ архіереевъ: „вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея, и невысоко бы о ней мыслилъ, и дѣло убо великое, но честь никаковая“. Говоря затѣмъ, что епископы только орудія спасающей благодати Божіей, Духовный регламентъ замѣчаетъ: „сеже того ради предлагается, чтобъ украити оную вельми жестокою епископовъ славу.. Честь (епископовъ) умѣренная есть, а лишняя и, почитай, равно царская,—да не будетъ“.

Практически--законодательнымъ путемъ Духовный регламентъ узаконяетъ у насъ, на мѣсто уничтоженнаго патріаршества, Духовный Коллегіумъ, члены котораго назначаютъ свѣтскою властію и въ обязательной для нихъ, предъ вступленіемъ въ Коллегіумъ, присягѣ заявляютъ: „исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегія быти Самого Всероссійскаго Монарха, Государя нашего Всемилоствѣйшаго“. Этому Духовному Коллегіуму, крайній судія котораго есть всероссійскій монархъ, и потому безусловно зависѣвшему отъ свѣтской власти, были во всемъ подчинены теперь всѣ епархіальные архіереи, устраненные не только отъ всякаго непосредственнаго участія въ общецерковныхъ дѣлахъ, но и въ управленіи своими епархіями обязаннымъ безусловнымъ подчиненіемъ Духовному Коллегіуму, верховнымъ главою котораго былъ царь, и въ которомъ изъ десяти присутствовавшихъ членовъ только трое были архіереи.

Всѣми этими мѣрами вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной былъ теперь рѣшенъ весьма определенно, хотя и не такъ, какъ онъ рѣшенъ былъ на соборѣ 1667 года. Если послѣ собора 1667 года русскіе архіереи, обращаясь къ паствѣ къ поученіемъ, говорили: „духовный начальникъ многимъ вящій свѣтскаго“, „елико разнствууетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вящшіе разнство и растояніе вящнія власти и церковныя“, то, послѣ реформы нашего высшаго церковнаго управленія Петромъ I-мъ, архіереи, касаясь вопроса о власти свѣтской и духовной, стали уже говорить объ этомъ совсѣмъ другимъ языкомъ; иныя мысли и чувства стали они теперь высказывать о свѣтской власти, нежели какія высказывали ранѣе.

Н. Кантревъ.
